

ГРУЗИНСКОЕ ОБЩЕСТВО В XIX ВЕКЕ: ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ В ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ*

Рец. на: *Ammon Ph. Georgien zwischen Eigenstaatlichkeit und russischer Okkupation: Die Wurzeln des russisch-georgischen Konflikts vom 18. Jahrhundert bis zum Ende der ersten georgischen Republik (1921). Frankfurt a/M : Klostermann : Vittorio, 2020. 238 S.*

Амиран Урушадзе

Вячеслав Щербakov

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

GEORGIAN SOCIETY IN THE NINETEENTH CENTURY: FEATURES OF INTEGRATION INTO THE SPACE OF THE RUSSIAN EMPIRE

Rev. of: *Ammon, Ph. (2020). Georgien zwischen Eigenstaatlichkeit und russischer Okkupation: Die Wurzeln des russisch-georgischen Konflikts vom 18. Jahrhundert bis zum Ende der ersten georgischen Republik (1921). Frankfurt a/M, Klostermann, Vittorio. 238 S.*

Amiran Urushadze

Vyacheslav Shcherbakov

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

This review examines a monograph by Philipp Ammon that considers the history of the entry and integration of the territories of historical Georgia into the space of the Russian Empire. In his book, the German historian focuses on finding the roots and forerunners of modern Russian – Georgian political conflicts. The author consistently describes the events of the eighteenth and nineteenth centuries.

* *Citation*: Urushadze, A., Shcherbakov, V. (2021). Georgian Society in the Nineteenth Century: Features of Integration into the Space of the Russian Empire. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 381–389. DOI 10.15826/qr.2021.1.585.

Цитирование: Urushadze A., Shcherbakov V. Georgian Society in the Nineteenth Century: Features of Integration into the Space of the Russian Empire // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 381–389. DOI 10.15826/qr.2021.1.585 / Урушадзе А., Щербakov В. Грузинское общество в XIX веке: особенности интеграции в пространство Российской империи // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 1. С. 381–389. DOI 10.15826/qr.2021.1.585.

Ammon shows the circumstances of the conclusion of the Treaty of Georgievsk in 1783 and the proclamation of the manifesto on the accession of East Georgia on 12 September 1801. At the same time, he refers to the entry of Eastern Georgia into the administrative and political space of the Russian Empire as an occupation and considers the Russian authorities' subsequent policies to be Russification. These provisions are substantiated by well-known scholarly literature, but, according to the reviewers, the author does not use archival and published documentary evidence systematically. According to Ammon, the repressive policy of the Russian state is proved by armed protests and political conspiracies that took place on the southern periphery of the empire in the first half of the nineteenth century. The historian briefly notes the other side of imperial policy, such as the establishment of an educational system, cultural initiatives, and social transformations. However, according to Ammon, all these are also integral elements of Russification. The review criticises some of the book's provisions.

Keywords: Philipp Ammon, Russian Empire, Georgia, Caucasus, historiography

Представлена рецензия на монографию Ф. Аммона, в центре которой – история вхождения и интеграции территорий исторической Грузии в пространство Российской империи. В своей книге немецкий историк сосредоточился на поиске корней и предтеч современных российско-грузинских политических конфликтов. Автор последовательно описывает события XVIII–XIX вв. Ф. Аммон показывает обстоятельства заключения Георгиевского трактата 1783 г., провозглашения Манифеста о присоединении Грузии 12 сентября 1801 г. При этом автор называет вхождение Восточной Грузии в административно-политическое пространство Российской империи оккупацией, а последующую политику российских властей рассматривает как русификацию. Аргументация этих положений основана на известной научной литературе, архивные и опубликованные документальные свидетельства Ф. Аммоном, по замечанию авторов рецензии, систематически не использовались. Подтверждением репрессивной политики Российского государства, по мнению Ф. Аммона, являются вооруженные протесты и политические заговоры, которые происходили на южной окраине империи в первой половине XIX в. Историк кратко отмечает и другую сторону имперской политики: создание образовательной системы, культуртрегерские инициативы власти, социальные трансформации. Однако все это, по мнению Ф. Аммона, также является составным элементом русификаторской политики. В рецензии приведена критика некоторых положений книги.

Ключевые слова: Ф. Аммон, Российская империя, Грузия, Кавказ, историография

В последние годы популярность Грузии заметно выросла. Это проявляется не только в росте числа туристов, посетивших эту южно-кавказскую страну, но и в регулярном выходе новых научных и научно-популярных исследований о грузинском прошлом. Резонансными

стали переводы на русский язык книг Д. Рейфилда [Рейфилд], Э. Скотта [Скотт] и Э. Ли [Ли]. Заметным событием в отечественной историографии явилась публикация фундаментальной работы В. М. Муханова об истории Первой Грузинской республики [Муханов].

В 2015 г. вышло в свет первое издание рецензируемой книги берлинского историка и слависта Филиппа Аммона «Грузия между собственной государственностью и русской оккупацией: корни российско-грузинского конфликта от XVIII в. до конца Первой Грузинской Республики (1921)», центральной темой которой стали русско-грузинские отношения в XVIII в., а также особенности интеграции территорий исторической Грузии в политико-правовое и культурное пространство Российского государства [Ammon]. Работа Ф. Аммона выполнена на стыке двух жанров: академического монографического исследования и научно-популярных очерков. Как справедливо заметил один из немецких рецензентов, «те, кто глубоко погружен в проблему, не узнают для себя ничего нового» [Buchenaу, p. 307]. Это объясняется тем, что книга построена в основном на опубликованной исторической литературе, в том числе на хорошо известных профессиональному читателю работах Р. Суни [Sunу] и Д. Лэнга [Lang]. В то же время автору удалось представить опыт оригинального исторического обобщения, где различные факты из истории взаимоотношений грузин и Российской империи были объединены поиском истоков российско-грузинских противоречий и конфликтов в постсоветскую эпоху. Автор пытался избежать односторонности в интерпретациях, но удавалось ему это не всегда.

По мнению Ф. Аммона, сначала Восточная Грузия в 1801 г., а затем и западногрузинские царства и княжества стали жертвами российской оккупации (*Okkupation*) и имперской русификации (*Russifizierung*). Сразу отметим, что использование этих понятий для анализа истории противоречивого вхождения грузинских территорий в состав империи Романовых, как минимум, спорно.

Манифестом к грузинскому народу от 12 сентября 1801 г. император Александр I объявлял установление в Восточной Грузии российской власти «не для приращения сил, не для корысти, не для расширения пределов и так уже обширнейшей в свете империи» [ПСЗ-1, т. 26, с. 785]. Россия присоединила Восточную Грузию в соответствии с многочисленными призывами о военно-политическом покровительстве со стороны грузинской аристократической элиты и царского дома Багратионов, которые постоянно звучали начиная с конца XVI в. Вхождению Восточной Грузии в Российскую империю предшествовало посольство князей Гарсевана Чавчавадзе, Георгия Авалишвили и Элизара Палавандишвили в Санкт-Петербург осенью 1800 г. Итогом дипломатической миссии стало подтверждение императором Павлом I грузинских «просительных пунктов». Ф. Аммон упоминает об этом в тексте книги (с. 58)¹, но концентрирует внима-

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются с указанием страниц в круглых скобках.

ние на втором пункте представленного послами документа, по которому царь Восточной Грузии Георгий XII просил российского самодержца сохранить царский дом Багратионов.

В первом же пункте царь Георгий XII совместно с грузинской аристократией, духовенством и всем населением Картли-Кахетии желали «единожды и навсегда принять подданство Российской империи, обязуясь свято исполнять все то, что исполняемо российскими подданными, не отрекаясь ни от каких законов и повелений» [Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, т. 1, с. 179]. Вряд ли в таком контексте уместно употреблять термин «оккупация», обозначающий насильственный военный захват территории.

Ф. Аммон, подчеркивая нечестную игру, которую якобы вела с Восточной Грузией Российская империя, несколько раз указывает на то, что Александр I ликвидировал Картли-Кахетинскую монархию вопреки Георгиевскому трактату (1783), «просительным пунктам» (1800) и политическим устремлениям Багратионов. Действительно, весть об упразднении престола Багратионов ошеломила Восточную Грузию. Грузинская знать занялась сочинением многочисленных прошений и протестов, которые адресовались как императору Александру I, так и местной российской администрации. Царевич Александр Ираклиевич не стал ограничиваться письменным выражением своего недовольства, а бежал в Персию, начав тридцатилетнюю борьбу за восстановление грузинской монархии. Все это довольно подробно изложено в рассматриваемой книге, но почти ничего не сказано о мотивах российского правительства. Уже в последние годы царствования Георгия XII Восточная Грузия находилась на пороге большой междоусобицы. Из-за различных трактовок права на престолонаследие на трон Картли-Кахетии претендовали несколько кандидатов, поддерживавшихся различными политическими группировками. Основное противостояние развернулось между сыном Георгия XII царевичем Давидом и его дядями, сыновьями легендарного Ираклия II. Обе стороны готовились к масштабной войне, об этом свидетельствует переписка царевича Давида с дядями, в первую очередь с Юлоном Ираклиевичем, а также письма Давида к брату Теймуразу, которого он назначил правителем Картли. Вот фрагмент одного из этих посланий от 20 декабря 1800 г.: «Ты будь в крепости, – приказывал Давид брату Теймуразу, – хлеба много заготовь. Если дяди твои захотят придти в Гори, не допускай. Заготовь свинцу и пороху. Я тебя назначил карталинским правителем. Собери войска и приготовь, да также проводывай, что у твоих дядей делается» [Дубровин, с. 159]. Давид и Теймураз прямо угрожали сыновьям Ираклия II и верным им грузинским аристократам расправой, в которой главная роль отводилась российским войскам [Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, т. 1, с. 293].

В этих условиях российское правительство решило не утверждать преемника умершего 28 декабря 1800 г. Георгия XII. В противном случае российские войска, находившиеся в Восточной Грузии, могли

быть втянуты в большую кровавую междоусобицу Багратионов. Беспорядки и столкновения 1801–1802 гг., о которых пишет Ф. Аммон, следует считать слабым эхом предотвращенной гражданской войны. Российское правительство показало равную удаленность от соперничавших группировок, сумев не допустить глубокого социально-политического раскола во вновь присоединенном регионе.

Второе важное понятие, которое использует Ф. Аммон в книге, русификация (*Russifizierung*). Под русификацией историк, судя по контексту книги, понимает дискриминацию грузинского языка и этнической культуры. По мнению автора, русификаторскую политику исповедовали все российские начальники края, включая первого кавказского наместника М. С. Воронцова (с. 83). Автор рецензируемой книги кратко указывает на многочисленные культуртрегерские реформы наместника: создание первой публичной библиотеки в Тифлисе, открытие театра, развитие школьной сети, учреждение Кавказского учебного округа. Ф. Аммон совершенно справедливо отмечает, что в учебных заведениях Кавказского учебного округа грузинские и другие языки региона преподавались всем учащимся, в том числе и русским ученикам. К этому можно добавить, что на торжественном открытии Кавказского учебного округа 5 апреля 1849 г. М. С. Воронцов прямо сформулировал цель школьного дела на южной окраине империи: «чтоб каждый туземец знал хорошо по-русски, а *каждый бы русский знал непременно не менее двух языков здешних* (курсив наш. – А. У., В. Щ.)» [Кавказ, 1849, № 18, 30 апр., с. 71]. В наместничество М. С. Воронцова были поставлены и регулярно представлялись публике пьесы на грузинском языке, в том числе знаменитая комедия князя Георгия Эристова «Раздел». Отметим, что на грузинские пьесы ходили сам наместник и вся его русскоязычная администрация. Весьма затруднительно такую политику считать политикой русификации.

Наместник оказывал покровительство не только грузинским культурным инициативам. В 1849 г. М. С. Воронцов способствовал началу издания в Тифлисе армянской литературной газеты «Арабат», для чего ему пришлось преодолеть сопротивление Кавказского комитета. На последнем моменте следует остановиться подробнее. Ф. Аммон описывает имперскую политику в отношении Грузии как нечто монолитное и единое, но исторические источники свидетельствуют о другом. Тифлис и Петербург по-разному представляли механизмы эффективной интеграции южной окраины в имперское пространство. Главноуправляющие и наместники сталкивались в служебно-иерархических войнах с царскими министрами. Особенно ожесточенным это противостояние было в 1844–1881 гг. [Урушадзе]. На теоретическом уровне разнообразие имперских ситуаций проанализировано в классической работе А. И. Миллера [Миллер], которой, как и многих других современных русскоязычных исследований, в библиографическом списке рецензируемой книги нет.

Ф. Аммон считает решающим этапом в политике русификации наместничество великого князя Михаила Николаевича (1862–1881). В подтверждение этого тезиса историк отмечает: «Переломным моментом стало ужесточение языковой политики в Грузии. Уже при великом князе Михаиле в 1871 г. преподавание грузинского языка в государственных гимназиях было заменено латинским и греческим в качестве обязательных дисциплин. Грузинский язык был понижен до статуса факультативного предмета» (с. 93). У читателя книги может сложиться впечатление, что российская администрация на Кавказе с 1871 г. приняла меры по тотальной дискриминации грузинского языка. В 1871 г. действительно произошло важное событие – в Российской империи был принят новый устав гимназий и прогимназий. Новые правила, разумеется, распространялись и на Тифлисскую и Кутаисскую губернии. К тому времени российские учебные заведения на Кавказе имели исключительное положение и в значительной степени находились за рамками общеимперских правил. Особый статус «кавказских» гимназий заключался в привилегиях их учеников, которым создавались максимально комфортные условия для продолжения обучения в российских университетах. И это не случайно: Российской империи нужны были квалифицированные чиновники, владеющие местными языками и разбирающиеся в особенностях традиционной культуры. Задаче подготовки полезных чиновников было подчинено все школьное дело на Кавказе, начиная с преобразований М. С. Воронцова.

Какие же перемены последовали с введением устава 1871 г.? Во-первых, необходимо отметить, что Ф. Аммон опрометчиво упрекает великого князя Михаила Николаевича в попытках как-то ограничить преподавание кавказских языков. Брат Александра II как раз был последовательным сторонником сохранения особого статуса гимназий Кавказского края, о чем свидетельствует его переписка с министром народного просвещения Д. А. Толстым. Именно великий князь Михаил Николаевич затянул гимназическую унификацию на несколько лет. Во-вторых, преподавание грузинского языка не заменялось греческим и латинским, классические языки являлись обязательной частью общей учебной программы российских гимназий, но в «кавказских» гимназиях обычно преподавался либо только один из них, либо оба, но в меньшем объеме, в сравнении с требованиями общеимперского гимназического устава. Выпускники гимназий южной окраины продолжали обучаться по особым программам и в университетах, где они освобождались от изучения некоторых иностранных языков. Если это и называть дискриминацией, то только позитивной. В 1871–1872 гг. министерство народного просвещения в лице влиятельного чиновника А. И. Георгиевского требовало от кавказской администрации лишь соблюдения общеимперских образовательных стандартов.

Однако кавказскому наместнику все же удалось отстоять исключительность учебных программ гимназий и прогимназий Кавказа,

выражением чего стали Правила о применении к учебным заведениям Кавказского учебного округа общих училищных уставов, утвержденные императором Александром II 22 ноября 1873 г. Преподавание местных языков, в том числе грузинского, сохранялось: в гимназиях – в течение первых четырех классов (из восьми), а в прогимназиях – на протяжении всего обучения. Преподавать кавказские языки могли как учителя гимназий за отдельную оплату, так и сторонние лица [ПСЗ-2, т. 48, ч. 2, с. 525].

Описывая имперскую политику русификации, Ф. Аммон указывает, что в 1880-х гг. на Кавказе было запрещено использовать (печатать) слово «Грузия». К сожалению, исследователь не приводит ссылки на запретительный документ, однако если открыть любой номер официальной газеты «Кавказ» за эти и последующие годы, то в каждом содержатся сведения о «расписании срочных почтовых экипажей по Военно-Грузинскому тракту», а, к примеру, в номере от 17 января 1888 г. в рубрике «Тифлисская жизнь» подробно описано празднование дня «равноапостольной Нины, просветительницы Грузии», в котором активное участие принял главноначальствующий гражданской частью на Кавказе С. А. Шереметев.

Репрессивная русификация, по мнению Ф. Аммона, вероятно, должна была привести к широкому распространению русского языка среди грузинского населения империи. Но на русском говорили в основном грузины Тифлиса, в остальных же регионах исторической Грузии (за исключением крупных городских центров) население почти не знало государственного языка. Это красочно описано в воспоминаниях Н. Н. Жордания – грузинского революционера и главы правительства Грузинской демократической республики в 1918–1921 гг. [Жордания, с. 1].

Все это показывает, что термины «оккупация» и «русификация», используемые в книге Ф. Аммона, не проясняют, а, напротив, запутывают изложение истории Грузии в составе Российской империи. Имперская политика на Кавказе, как и на других окраинах государства Романовых, была значительно сложнее и формировалась из различных центров власти, одним из которых был Тифлис. Многочисленное грузинское дворянство было одной из главных опор империи в регионе, а местные аристократические кланы зачастую пользовались высоким покровительством царских наместников. Россия выступила в качестве «собирательницы грузинских земель»: именно усилиями российских властей территория исторической Грузии вновь обрела целостность (Ф. Аммон упоминает это в книге). Поэтому при анализе истории грузинской интеграции в пространство Российской империи можно и нужно анализировать значение внутренней (региональной) интеграции Грузии.

Книгу Ф. Аммона трудно назвать объективным историческим исследованием, автор слишком увлекся поиском русско-грузинских противоречий, исторических предтеч и корней современных полити-

ческих конфликтов. Это негативно сказалось на ряде интерпретаций, представленных в его работе. Безусловно, положение грузинского общества в Российской империи не было идиллическим, но численность населения исторической Грузии неуклонно возрастала, грузины получали образование в российских университетах, генералы-грузины командовали частями императорской армии, а Тифлис приобрел основные черты современного Тбилиси.

В заключение отметим, что русские переводы картвелологических исследований английских, американских, немецких историков важны, они обогащают информационное пространство российского исторического кавказоведения, но едва ли не большее научное значение имеет перевод на западноевропейские языки работ российских авторов.

Список литературы

- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией : в 12 т. Тифлис : Тип. Гл. упр-я наместника кавказского, 1866. Т. 1. XII, 816 с.
- Дубровин Н. Ф. Георгий XII, последний царь Грузии и присоединение ее к России. 2-е изд. СПб. : Тип. Д. В. Чичинадзе, 1897. VIII, 254 с.
- Жордания Н. Моя жизнь. Stanford : The Hoover Inst. Foreign Language Publ., 1968. XIV, 130 с.
- Кавказ. 1849. № 18. 30 апр.
- Ли Э. Грузинский эксперимент: забытая революция 1918–1921 гг. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019. 252 с.
- Миллер А. И. Империя Романовых и национализм : Эссе по методологии исторического исследования. М. : Новое лит. обозрение, 2006. 240 с.
- Муханов В. М. «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики: 1917–1921. М. : Кучково поле, 2019. 928 с.
- ПСЗ. Собр. 1. Т. 26.
- ПСЗ. Собр. 2. Т. 48. Ч. 2.
- Рейфилд Д. Грузия. Перекресток империй : История длиной в три тысячи лет. М. : КоЛибри, 2019. 608 с.
- Скотт Э. Свои чужаки : Грузинская диаспора и эволюция Советской империи. М. : Новое лит. обозрение, 2019. 384 с.
- Урушадзе А. Т. Другая Кавказская война : Кавказский наместник vs царские министры (1844–1853 гг.) // Урал. ист. вестн. 2019. № 3 (64). С. 31–39. DOI 10.30759/1728-9718-2019-3(64)-31-39.
- Ammon Ph. Georgien zwischen Eigenstaatlichkeit und russischer Okkupation: Die Wurzeln des russisch-georgischen Konflikts vom 18. Jahrhundert bis zum Ende der ersten georgischen Republik (1921). Frankfurt a/M : Klostermann : Vittorio, 2020. 238 S.
- Buchenau K. Rev. of: Philipp Ammon, Georgien zwischen Eigenstaatlichkeit und russischer Okkupation. Die Wurzeln des russisch-georgischen Konflikts vom 18. Jahrhundert bis zum Ende der ersten georgischen Republik (1921). Klagensfurt ; Wien : Kitab-Verlag, 2015 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Vol. 67. 2019. № 2. P. 306–309.
- Lang D. The Last Years of the Georgian Monarchy, 1658–1832. N. Y. : Columbia Univ. Press, 1957. 333 p.
- Suny R. The Making of the Georgian Nation. Bloomington, Indianapolis : Indiana Univ. Press, 1994. 419 p.

References

Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei v 12 t. [Acts Collected by the Caucasian Archaeological Commission. 12 Vols.]. (1866). Tiflis, Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo. Vol. 1. XII, 816 p.

Ammon, Ph. (2020). *Georgien zwischen Eigenstaatlichkeit und russischer Okkupation: Die Wurzeln des russisch-georgischen Konflikts vom 18. Jahrhundert bis zum Ende der ersten georgischen Republik (1921)*. Frankfurt a/M, Klostermann, Vittorio. 238 S.

Buchenau, K. (2019). Rev. of: Philipp Ammon, *Georgien zwischen Eigenstaatlichkeit und russischer Okkupation. Die Wurzeln des russisch-georgischen Konflikts vom 18. Jahrhundert bis zum Ende der ersten georgischen Republik (1921)*. Klagenfurt, Wien, Kitab-Verlag, 2015. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Vol. 67. No. 2, pp. 306–309.

Dubrov, N. F. (1897). *Georgii XII, poslednii tsar' Gruzii i prisoedinenie ee k Rossii* [George XII, the Last King of Georgia and Georgia's Accession to Russia]. St Petersburg, Tipografiya D. V. Chichinadze. VII, 254 p.

Kavkaz [Kavkaz]. (1849). No. 18. April 30.

Lang, D. (1957). *The Last Years of the Georgian Monarchy, 1658–1832*. N. Y., Columbia Univ. Press. 333 p.

Li, E. (2019). *Gruzinskii eksperiment: zabytaya revolyutsiya 1918–1921 gg.* [The Georgian Experiment: The Forgotten Revolution of 1918–1921]. Moscow, St Petersburg, Nestor-Istoriya. 252 p.

Miller, A. I. (2006). *Imperiya Romanovykh i natsionalizm. Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism. An Essay on the Methodology of Historical Research]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 248 p.

Mukhanov, V. M. (2019). *“Sotsializm vinogradarei”, ili Istoriya Pervoi Gruzinskoi respubliki. 1917–1921* [“Socialism of Winegrowers”, or the History of the First Georgian Republic. 1917–1921]. Moscow, Kuchkovo pole. 928 p.

PSZ [Full Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 26.

PSZ [Full Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 2. Vol. 48. Part 2.

Rayfield, D. (2019). *Gruziya. Perekrestok imperii. Istoriya dlinoi v tri tysyachi let* [Georgia. Crossroads of Empires. A Three-Thousand-Year History]. Moscow, KoLibri. 608 p.

Skott, E. (2019). *Svoi chuzhaki. Gruzinskaya diaspora i evolyutsiya Sovetskoi imperii* [Their Outsiders. The Georgian Diaspora and the Evolution of the Soviet Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 384 p.

Suny, R. (1994). *The Making of the Georgian Nation*. Bloomington, Indianapolis, Indiana Univ. Press. 419 p.

Urushadze, A. T. (2019). *Drugaya Kavkazskaya voyna: Kavkazskii namestnik vs tsarskie ministy (1844–1853 gg.)* [The Other Caucasian War: The Caucasian Viceroy vs the Ministers (1844–1853)]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 3 (64), pp. 31–39. DOI 10.30759/1728-9718-2019-3(64)-31-39.

Zhordaniya, N. (1968). *Moya zhizn'* [My Life]. Stanford, The Hoover Inst. Foreign Language Publ. XIV, 130 p.

The article was submitted on 13.02.2020